

УДК 338.23:330.111.62

Ю. В. КИНДЗЕРСКИЙ,
*доктор экономических наук,
старший научный сотрудник
отдела экономического роста и структурных изменений в экономике
ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"*
(Киев)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА ОЛИГАРХИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Акцентируется внимание на проблемах трансформации отношений собственности в Украине. Указано на недостатки разгосударствления, обусловившие формирование олигархии и институциональной ловушки олигархизма. Вскрыт ряд негативных последствий олигархизации в контексте создания предпосылок для эффективного функционирования института собственности. Даны рекомендации по его дальнейшему реформированию, в основу которых положена идея формирования рационального соотношения государственной и частной форм собственности в целях преодоления явления олигархизма, развития приоритетных секторов экономики и инклюзивного развития общества в целом.

Ключевые слова: олигархия, институциональная ловушка, приватизация государства, права собственности, стратегическая собственность.

Yu. V. KINDZERSKII,
*Doctor of Econ. Sci.,
Senior Sci. Researcher,
Department of Economic Growth and Structural Changes in Economy,
Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine*
(Kiev)

INSTITUTIONAL TRAP OF OLIGARCHISM AND PROBLEMS OF ITS OVERCOMING

The attention is paid to problems of a transformation of the property relations in Ukraine. Shortcomings of the denationalization, which caused the formation of an oligarchy and the institutional trap of oligarchism, are indicated. A number of negative consequences of the oligarchization in the context of the creation of preconditions of the efficient functioning of a property institution are shown. Some recommendations that concern its further reformation and are based on the idea of the formation of a rational ratio of the public and private forms of property are given with the purpose to overcome the phenomenon of oligarchism, to develop economy's priority sectors, and to ensure the inclusive development of the society on the whole.

Keywords: oligarchy, institutional trap, privatization of the state, property rights, strategic property.

Четверть века хозяйственных трансформаций в Украине обусловили, по ироничному определению отечественных ученых, "настоящее чудо с отрицательным знаком" [1]. Наше государство вышло из первой десятки индустриально развитых

© Киндзерский Юрий Викторович (Kindzerskii Yurii Viktorovich), 2016; e-mail: vkpp@ukr.net.

стран мира, превратившись в самую бедную страну Европы с деиндустриализированным производством, деградированной инфраструктурой, почти разрушенной системой образования, науки и здравоохранения, масштабной безработицей и бедностью. Следствием неудачных реформ стали регулярные массовые протесты и острая неудовлетворенность населения политикой власти, что, в конечном счете, разожгло военный конфликт на Востоке.

На фоне поиска причин неудач и моделей преодоления кризиса * следует помнить, что любые преобразования в стране являются преобразованиями, прежде всего, в системе отношений собственности и заключаются в изменении формальных и неформальных правил и норм, регулирующих отношения между субъектами по поводу их претензий, с одной стороны, на ограниченные ресурсы, а с другой – на доходы от их использования. Это позволяет выявить институциональные пробелы и ловушки, сформировавшие негативный тренд развития экономики и общества. Поэтому **целью статьи** выступают идентификация таких ловушек в результате трансформации института собственности и обозначение возможных вариантов выхода из них.

Трансформация отношений собственности: “от плана к клану”

Изменения “ресурсной” составляющей отношений собственности в Украине заключались в отказе государства от монополии на хозяйствование и директивного централизованного управления деятельностью субъектов при одновременной легализации частной собственности в производстве и свободы предпринимательства. “Доходная” составляющая касалась принятия новых налогового и бюджетного законодательств, которые устанавливали нормативы изъятия и перераспределения государством доходов от хозяйственной деятельности субъектов разных форм собственности. По замыслу, общий вектор трансформаций был направлен на переход от административно-плановой экономики к рыночной на основе развития частной инициативы, которая должна была обеспечить модернизацию производства и приблизить его к потребностям населения. Но на официальном уровне реформа института собственности рассматривалась упрощенно – лишь как номинальная замена государственного собственника частным, с предоставлением ему доминирующей роли в экономике. До сих пор большинство политиков и экспертов связывают реформирование этого института в таком ключе, а степень развитости и эффективности экономики ставят в прямую зависимость от доли частной собственности в ней.

Считалось, что ускоренная массовая приватизация быстро решит все проблемы общества, сформирует основные социолиберальные черты частной собственности, присущие развитым западным экономикам, которые эволюционно формировались и совершенствовались там веками [2, с. 116]. Принималось как аксиома, что ни способы и механизмы приватизации, ни экономические обстоятельства, ни система управления экономикой, ни менталитет общества значения не имеют, главное – избавиться от государственной собственности и утвердить частную. К сожалению, разновекторность и несогласованность реформирования разных составляющих института собственности, связанных не только и не столько с изменением ее форм **, а также игнорирование ряда очевидных неблагоприятных обстоятельств,

* См., например, дискуссии по этому поводу в № 6 за 2015 г. и № 8 за 2016 г. журнала “Экономика Украины”.

** Чтобы не быть голословными, в качестве примера можем привести неспособность и тщетные попытки государства на протяжении последних двух десятилетий создать эффективную налоговую систему (как один из элементов института собственности в части перераспределения доходов в обществе), которая бы стимулировала развитие бизнеса и не мотивировала его к работе “в тени”.

сопровождаявших его, не создали у субъектов нужной мотивации к саморазвитию и взаимовыгодному взаимодействию в последующие десятилетия.

Из-за своего смыслового наполнения и способов реализации приватизация не сформировала у основной массы населения идеалов частного способа производства. По выводам А. Барановского и В. Сиденко, смена форм собственности “сопроводалась многочисленными недостатками концептуального, нормативно-правового, организационно-методологического, экономического, судебно-производственного, информационного характера, ... осуществлялась часто теневыми, а нередко криминальными методами, ... фактически не контролировалась государством” [3, с. 4] *.

В Украине не произошло создания массового собственника **, поскольку реальное участие в приватизации и перераспределении советского имущества было ограничено узким кругом лиц — бывшей партийно-хозяйственной элитой, криминальными авторитетами, новоиспеченными дельцами, на скорую руку заработавшими свой первоначальный капитал во время перестройки в СССР и в начале рыночных трансформаций в Украине в 1990-х годах. С одной стороны, было легализовано латентное владение собственностью высшей партийной и хозяйственной номенклатурой, которой она принадлежала де-факто, хотя де-юре считалась общенародной ***. С другой стороны, советская система государственного управления экономикой и правоохранительные органы были дезорганизованы и существенно ослаблены, а новые рыночные институты и механизмы еще не возникли.

Это обусловило народнохозяйственный хаос и криминализацию общественных и производственных отношений в стране. Согласно выводам социологов, в обществе произошла “криминальная революция”, или, по определению С. Кара-Мурзы, “установление такого социального порядка, при котором практически каждая трудящаяся семья оказывается в неизбежном прямом контакте с преступным миром. Когда у нее просто нет выбора. А Великой криминальной революцией надо считать создание такого строя, когда одновременно с низами криминализирован и верх — государственные структуры и крупный капитал” ****. Следствием этой революции стала массовая имплементация неформальных криминальных практик и норм поведения в отношении между государством, бизнесом и обществом *****.

Изменение форм собственности в таком виде на протяжении 1990-х годов и первой половины 2000-х годов обусловило укрепление в Украине криминальной олигархической модели организации государства. Политическая и экономическая власть в стране де-факто и де-юре стала принадлежать немногочисленной группе самых богатых лиц — олигархам, которые получили свои состояния по итогам при-

* Подробнее см. в [4, с. 38–39].

** Большинство из почти 20 млн. акционеров были собственниками номинально, поскольку по результатам сертификатных аукционов они не оформили право собственности на акции. Значительная часть тех, кто получил акции, не допускались к управлению предприятиями. Почти 8 млн. чел. вообще отказались от участия в сертификатной приватизации [3, с. 3].

*** Тенденция к такой легализации была заложена еще в СССР в 1985–1991 гг., когда произошли первые “проторыночные” изменения в отношениях собственности, которые оказались по сути неформальной номенклатурно-бюрократической приватизацией в виде передачи имущества государственных предприятий де-юре в управление трудовым коллективам, а де-факто — их высшему руководству.

**** Цитируется по [5, с. 195].

***** Глубоко и всесторонне проблема криминализации украинского общества вследствие так называемых “рыночных” реформ раскрыта в [5; 6]. Весьма показательно мнение по этому поводу рядовых граждан. На вопрос “какие социальные группы играют значительную роль в жизни украинского общества?” в четверке лидеров по ответам респондентов оказались: мафия и преступный мир (34,6%), лидеры политических партий (35,9%), предприниматели и бизнесмены (36,9%), чиновники (25,4%) [7, с. 5].

ватизации, причем (следует подчеркнуть) приватизации объектов большой собственности – больших предприятий и народнохозяйственных комплексов, отраслевых и межотраслевых производственных объединений, которые в отдельных случаях представляли собой целые отрасли экономики и промышленности бывшей УССР. Номенклатурный и криминальный характер приватизации объективно обусловил тот факт, что государственное имущество почти даром было передано олигархии *. Это превратило приватизацию в гигантскую “раздачу” бывших советских активов [8], сформировало неизвестный до настоящего времени тип экономических отношений собственности – собственность без ответственного эффективно-го собственникам [2, с. 128].

Не произошло отделения власти от бизнеса, а наоборот – их связь лишь окрепла **. Весь большой бизнес практически “слился” с центральными и местными органами государственного управления – сформировались олигархические кланы, постоянно конкурирующие между собой за сферы влияния. Их представители превратились в нефеодалов на территориях своей хозяйственной деятельности. По сути, в этот период образовалась непредвиденная в начале преобразований институциональная ловушка олигархизма – неэффективное самоподдерживающееся устойчивое институциональное равновесие, которое, по определению исследователей, стало обобщенным итогом “перехода от плана к клану” [9, с. 1]. Эта ловушка, имея свойства QWERTY-эффекта, повлекла за собой лавинообразную реакцию дальнейшего возникновения и развития не эффективных для всего общества экономических, социальных и политических институтов, экстрактивных (по терминологии Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [10, с. 92–97]) по своей сути, то есть направленных на закрепление доминирования олигархии и ее сверхобогащение.

В политической плоскости это проявилось, прежде всего, в вырождении принесенного в Украину в 1990-х годах демократического института формирования государственной власти на основе всенародных выборов. С утверждением олигархии страна превратилась в “фасадную демократию”, когда внешние признаки демократического формирования власти формально присутствуют, однако реальной двусторонней связи между избранной властью и гражданами, а также зависимости первой от последних нет. В нашей стране государство как форма организации политической власти полностью автономизировалось от общества, а народ, номинально оставаясь по Конституции Украины единственным источником формирования власти, не получил механизма формализации, нормирования и удовлетворения своих интересов посредством ее выборов. Создание этого механизма с самого начала “выпало” из перечня институциональных реформ и до настоящего времени

* За первые 10 лет приватизационной кампании (1994–2003 гг.), когда произошла наиболее массовая распродажа госимущества, сформировались нынешние олигархические кланы и частная собственность начала преобладать в экономике, бюджет страны получил лишь 6 млрд. грн. (1 млрд. дол.) [3, с. 3]. Довольно показательным примером приватизации за бесценок служит продажа в 2011–2012 гг. государственных пакетов акций 6 ведущих энергетических компаний Украины холдингу “СКМ” по цене, которая лишь в 3 раза превышала стоимость лондонской квартиры его собственника (Приватизация от Рината: энергетика страны по цене трех лондонских квартир // Информагентство “Уніан”. – Новини від 4 серпня 2014 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://economics.unian.net/energetics/947378-privatizatsiya-ot-rinata-energetika-stranyi-po-tsene-treh-londonskih-kvartir.html>).

** Красноречивым подтверждением этого является тот факт, что Украина в 2016 г. заняла 5-е место в рейтинге стран по Индексу кланового капитализма (“The cronу-capitalism index”), который составляется изданием “The Economist”. По его расчетам, размер состояний олигархов, прямо связанных с государственной властью, составил около 7% ВВП (Comparing cronу capitalism around the world // The Economist. – 2016. – May 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.economist.com/node/21698237>).

не ставится на повестку дня. Формально избранная народом власть оказывается ему неподотчетной и неподконтрольной. В последние полтора десятилетия она де-факто формируется путем или так называемого “олигархического консенсуса” (неформального договора между кланами о распределении сфер влияния), или олигархических войн (за новые сферы влияния, по поводу защиты или отвоевания старых его сфер, получения привилегий и т. п.).

При таких обстоятельствах экономическая и социальная политика государства стала воплощением лишь интересов олигархических бизнес-групп *. Как правило, с организационно-правовой точки зрения, они представляют собой или холдинги из числа компаний, объединенных по отраслевому и/или региональному признакам, или неформальные, юридически неоформленные объединения предприятий, принадлежащих одному или нескольким собственникам. Соответственно, их структуры выстроены с учетом договоренностей о распределении сфер регионального и экономического влияния. Практически каждая группа имеет в своем составе как финансовые учреждения для аккумуляции ресурсов, так и медийные компании для формирования и контроля общественного мнения, PR-поддержки своих собственников, дискредитации оппонентов и конкурентов. Для “вхождения” во власть и получения нужных законодательных решений каждая группа прямо или косвенно причастна к созданию и финансированию политических партий и проектов. Топ-менеджмент групп “делегуется” на высшие руководящие должности в органах законодательной и исполнительной власти, судебной и правоохранительной систем. Особо ценными активами в составе таких холдингов стали компании, работающие в сферах естественных монополий и оказавшиеся неисчерпаемым источником сверхобогащения олигархии в условиях установленного ею контроля над решениями государства по регулированию этих сфер.

Институт собственности: феноменология деформаций и приватизация государства

По итогам трансформаций институт собственности в Украине серьезно деформировался. Как следствие, появились такие тесно связанные между собой феномены, как “неэффективный собственник”, нелегитимная собственность, “размытые” и незащищенные права собственности **, “тенизация” собственности.

Неэффективным собственником оказался, прежде всего, с позиций общественной полезности, а не полученных им финансовых результатов и личной выгоды. Следует иметь в виду, что он распоряжается собственностью настолько эффективно, насколько

* В числе наиболее мощных и влиятельных групп, действующих в Украине, можно назвать следующие: группа “СКМ” (сферы интересов — металлургия, энергетика, машиностроение, связь, телекоммуникации, транспорт, логистика, масс-медиа); “Group DF” (соответственно, энергетика, химическая промышленность, производство титана, недвижимость, масс-медиа); группа “Приват” (финансовая сфера, нефте- и газодобыча, металлургия, машиностроение, авиаперевозки, масс-медиа); “СМАРТ-Холдинг” (металлургия, судостроение, сельское хозяйство); группа “Укрпроминвест” (кондитерская промышленность, агропроизводство, автомобилестроение, судостроение, масс-медиа); корпорация “ИСД” (металлургия); группа “Интерпайп” (машиностроение, трубная промышленность, банковские услуги, масс-медиа); группа “Энергетический стандарт” (энергетика, машиностроение, судостроение, недвижимость, транспорт); “Кернел” (агропроизводство); “Мироновский хлебопродукт” (агропроизводство).

** Режим “размытой” собственности следует рассматривать как неопределенность и нечеткость прав субъектов хозяйствования и населения, непрозрачность в принятии государственных решений, “ручное” управление государственными ресурсами, недостаточную экономическую и правовую обоснованность претензий, с одной стороны, государства и отдельных субъектов на часть доходов и собственность других субъектов, а с другой — субъектов на получение государственной власти, ресурсов, привилегий и т. п. Вопросы спецификации и “размывания” прав собственности в теоретическом ключе глубоко освещены в [11].

это позволяет ему удовлетворить свои потребности на фоне существующих экономических и институциональных условий хозяйствования в стране. Влияние государства на формирование этих условий позволяет приблизить деятельность собственника к потребностям общества и говорить об эффективном распоряжении собственностью с точки зрения последнего, однако исключительно тогда, когда общество может контролировать государство (иначе это может произойти лишь при случайном стечении обстоятельств). Поэтому проблема создания в стране эффективного собственника является, прежде всего, проблемой государства и не может быть решена лишь изменением форм собственности. В Украине роль собственности в таком контексте не рассматривается, а условия хозяйствования выстраиваются исходя из потребностей олигархического бизнеса, а не общества.

Феномен неэффективного собственника проявился в Украине в разных формах. В их числе – распространение процессов постоянного перераспределения собственности в 1990-е годы, когда субъекты получали доходы не от производственной деятельности, а от перепродажи даром полученных государственных активов или же (что еще хуже) – от их продажи на металлолом для получения “быстрых” денег. Рентабельность таких операций на порядки превышала рентабельность производства в кризисных условиях, сложившихся в то время. Именно тогда были по-варварски порезаны на металлолом и исчезли тысячи уникальных перерабатывающих предприятий при полном равнодушии (а иногда – и прямом содействии) государства. При таком перераспределении воспроизводственные процессы в экономике затормозились, изношенность основного капитала достигла критического предела, тогда как инвестиции отражали лишь вложение денег в приобретение действующих активов, а не в их создание “с нуля”. До конца 1990-х годов потенциал доходности от перепродажи собственности начал исчерпываться, однако ее перераспределение, в конечном счете, привело к появлению и разрастанию олигархического капитала.

Неэффективными в Украине оказались многие собственники, которые фактически “проедали” полученную собственность, не перепродавая ее и не вкладывая средства в ее развитие, полностью игнорируя взятые на себя инвестиционные, социальные и другие обязательства при приватизации. На макроуровне это явление названо “проеданием” советского наследия. К сожалению, оно продолжается и до настоящего времени – оборудование эксплуатируется до полного физического износа и разрушения, после чего его ожидает продажа на металлолом, с дальнейшей ликвидацией самого предприятия. Такое “проедание” характерно для многих приватизированных больших предприятий в промышленности и энергетике *. По

* Примеров можно привести сотни. Показательна в этом контексте ситуация с Запорожским алюминиевым комбинатом. В 2001 г. он был приобретен российской корпорацией “Русал”. За 14 лет работы собственники не вложили в модернизацию ни одной копейки, фактически разорили предприятие, уничтожили уникальное производство первичного алюминия в Украине. Предприятие обанкротилось и остановилось. В 2015 г. комбинат под давлением трудового коллектива был возвращен в государственную собственность (Запорожский алюминиевый комбинат восстановят и выставят на продажу // Интернет-издание “Сегодня”. – Новости от 13 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.segodnya.ua/economics/enews/zaporozhskiy-alyuminievyy-kombinat-vosstanovyat-i-vystavyat-na-prodazhu-640307.html>).

Еще одним красноречивым примером является ситуация с приватизацией и реприватизацией металлургического комбината “Криворожсталь”. В 2004 г. он стал собственностью отечественного консорциума “Инвестиционно-металлургический союз”, а в 2005 г. был реприватизирован в пользу индийской металлургической корпорации “Mittal Steel”. Последняя отказалась выполнять взятые на себя инвестиционные, социальные и экологические обязательства. Бывший “Криворожсталь”, а ныне ПАО “АрселорМиттал Кривой Рог” утратил свое градообразующее значение: количество работников на предприятии сократилось разительно – с 50 тыс. на момент приватизации до 6 тыс. в настоящее время [12].

результатам анализа деятельности свыше 700 приватизированных больших и сверх-больших промышленных предприятий, группа ученых во главе с А. Даниленко пришла к неутешительному выводу: “приватизированные предприятия не только не демонстрируют значительного улучшения результатов деятельности, а в большинстве случаев ухудшили их по сравнению с приватизационным периодом и показателями года приватизации. ... В целом приватизация не обеспечила ожидаемого роста эффективности предприятий и, более того, нередко сопровождалась ее снижением. Главная задача приватизации — привести на предприятия эффективных собственников — решена не была” [13, с. 417, 419].

Режим функционирования собственности в Украине лишь стимулирует собственника к ее “проеданию” и перепродаже. Он приближается к нормативному режиму свободного доступа *, когда формально (де-юре) собственник есть, однако его права собственности “размыты” и не защищены, что позволяет посягать на нее посторонним субъектам — бизнес-конкурентам, государственной бюрократии, криминалитету. В таких условиях инвестиции в развитие теряют смысл, поскольку возникает большая неопределенность в отношении претендентов на будущие доходы от них. В то же время формирование режима исключительного доступа к ресурсам (исключительных/полных прав собственности) слишком проблематично в условиях олигархизации.

На первый взгляд, ни у кого не может возникнуть сомнений, что для обеспечения устойчивого и продолжительного экономического развития нужна эффективная система (институт) защиты прав собственности. Чтобы эта система возникла, должны существовать агенты, которым она не только нужна, но и которые имеют экономические и политические возможности для ее создания. В начале реформ предполагалось, что в первую очередь следует создать самих агентов путем передачи собственности в частные руки, а уже потом с их стороны возникнет спрос на соответствующие институты [15, с. 1–2]. Однако это предположение не сработало, поскольку оказалось, что на их формирование серьезно влияет существующее имущественное и политическое неравенство. Олигархия, сконцентрировав у себя значительную часть богатства страны и получив политическую власть, действовала в противоположном направлении. С одной стороны, она не создала универсальную (одинаково приемлемую для всех субъектов), законодательно формализованную систему защиты прав собственности, подменив ее индивидуальной, ситуативной, нередко неформальной, административной, судебной и силовой (с использованием государственных силовых ведомств и частных охранных структур) защитой. С другой стороны, олигархия начала создавать институты, направленные на перераспределение ресурсов и доходов страны в свою пользу путем “размывания” прав собственности других субъектов и населения, нахождения новых источников рентных доходов, не связанных с инновационной деятельностью и внедрением новых технологий (технологической рентой) **.

В Украине олигархические кланы — как провластные, так и оппозиционные — вообще не предъявили спроса на формирование институтов полной защиты прав собственности. Как справедливо заметил Дж. Стиглиц, их требования, касающиеся

* Об “идеальных” режимах функционирования собственности подробнее см. в [14, с. 119–121].

** Такое явление характерно для всех стран, где отмечается концентрация корпоративного капитала и власти в руках ограниченного количества семей. Это создает им стимулы к лоббированию собственных интересов на государственном уровне, установлению административных и торговых барьеров для конкурентов, получению выгодных государственных контрактов и привилегий [15, с. 2–3].

ся верховенства закона, звучат лишь тогда, когда ослабевает их связь с властью, и прекращаются сразу после ее укрепления [16, с. 199–200]. Как подчеркивают Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, при этом возникает эффект “порочного круга” [10, с. 404–406], при котором смена кланов у власти не меняет ситуацию в целом, поскольку все они используют власть исключительно для укрепления своего положения и состояний. Исследователи отмечают, что олигархия заинтересована в поддержании слабой защиты собственности в стране, поскольку неравенство, возникающее при этом, позволяет манипулировать институтами, что, в конечном счете, влечет за собой еще большее неравенство и еще большую экономическую и политическую власть олигархов [17].

В таких обстоятельствах они должны вкладывать деньги (или иначе – инвестировать) в индивидуальную защиту и получение привилегий. Эти средства направляются на коррупционный подкуп представителей государственной власти, судебных и правоохранительных органов, создание частных охранных компаний, которые у нас все больше приобретают черты частных армий. Для экономики страны это имеет негативные последствия не только с точки зрения роста неравенства в обществе и укрепления олигархии. Экономические агенты, расходуя средства на свою защиту, не вкладывают их в производственную деятельность. Угроза потерять собственность и доходы вследствие умышленного “размывания” прав на нее обуславливает деформации в накоплении капитала и сдерживает развитие производства. Неравенство в доходах и неодинаковые возможности для доступа к ресурсам существенно обостряют борьбу за собственность, что уже продолжительное время наблюдается в Украине и проявляется не только в виде олигархических войн, но и в форме острых и радикальных протестов – “европейских”, “налоговых”, “тарифных” и т. п. “майданов”, когда население и обычные предприниматели теряли отдельные важные для них права или, наоборот, им навязывались новые, неприемлемые нормы в пользу государства и олигархии.

В условиях отсталой и убыточной (как в Украине) экономики заинтересованность олигархии в еще большем ослаблении защиты прав собственности других субъектов возрастает, поскольку это позволяет ей компенсировать за их счет потери от такой отсталости. В то же время способность обычных агентов осуществлять индивидуальную защиту еще больше падает. Для экономики такая ситуация подобна даже не ловушке, а удавке, когда отсталость производства усиливает процессы “размывания” прав собственности и еще больше ослабляет возможности для их защиты, что, в свою очередь, провоцирует еще большую отсталость в перспективе. Казалось бы, теоретически рано или поздно это приведет к истощению ресурсов как олигархии, так и остальных субъектов, а также к появлению спроса на повышение общего уровня защиты собственности. Однако, как показывает К. Сонин, в условиях существования значительного экономического неравенства (характерного для Украины), в конечном счете, устанавливается устойчивое долгосрочное институциональное равновесие, при котором сохраняются и само это неравенство, и слабая защита собственности при низких темпах роста или при его отсутствии вообще [15, с. 9–10].

В таком случае рентные доходы, приносящие “быстрые” и “легкие” деньги, становятся основой для обогащения олигархии и контролируемой ею государственной бюрократии, что наглядно подтверждается в Украине. Спектр источников таких доходов непрерывно расширяется. В числе их основных, наиболее прибыльных видов в нашей стране – такие:

– природная рента – доходы от продажи природных (минеральных энергетических и неэнергетических полезных ископаемых, леса) ресурсов компаниями

олигархов на основании предоставления им государством эксклюзивного формального права на их добычу и продажу (исключительно с подобными компаниями следует связывать распространение практики незаконных вырубки леса, добычи и продажи угля (нелегальные "копанки") и янтаря, при неформальной административной и силовой защите такой деятельности со стороны коррумпированной государственной бюрократии и правоохранительных органов);

– монопольная "тарифная" рента – доходы от естественных государственных и частных энергетических, транспортных и коммунальных монополий, полностью контролируемых олигархией вследствие установления ими (при официальном согласовании с властью) необоснованных, чрезмерно завышенных, непрозрачных тарифов на соответствующую продукцию и услуги;

– "перераспределительная" рента – доходы от постоянного передела собственности, получаемые, как правило, провластными, олигархическими кланами, вследствие незаконного захвата ("отжима") чужого бизнеса (как компаний других олигархов, находящихся в оппозиции к власти, так и обычных компаний, продемонстрировавших свою прибыльность), при активной (формальной и неформальной) административной и силовой поддержке такого захвата со стороны государственной бюрократии, правоохранительных органов и криминальных группировок;

– бюрократическая рента – коррупционные доходы бюрократии при принятии хозяйственных, судебных и административных решений в пользу как олигархов, так и других субъектов (которые могут за них заплатить, но тогда, когда это не противоречит интересам первых) от "продажи" должностей в органах государственной власти и управления, судебной и правоохранительной систем, в учреждениях государственного сектора; от постоянного инициирования многочисленных "псевдореформ", с соответствующей разработкой под них сомнительных государственных программ и выделением государственных средств, которые впоследствии распределяются в пользу подконтрольного бизнеса;

– земельная рента – доходы олигархии от чрезмерной, изнурительной эксплуатации недооцененных сельскохозяйственных земель; латентной неформальной приватизации де-факто таких земель большими агрохолдингами при формальном сохранении моратория на их продажу в частную собственность; теневой продажи коммунальных земель субъектам бюрократией (при официальной бесплатной передаче их в собственность); незаконного изменения категории земель и их дальнейшей теневой продажи и т. п.;

– финансовая рента – доходы олигархии от установления контроля над распределением и использованием в свою пользу расходов госбюджета, от манипулирования налоговым законодательством и введения новых налогов и сборов*; доходы от государственных компаний, подконтрольных олигархии; доходы от теневых денежных средств, выведенных за рубеж; и т. п.

Слабая защита прав собственности и явление "неэффективного собственника" тесно переплетаются с негативным социокультурным и психологическим

* В качестве примера можно привести введение налога на недвижимое имущество, который де-факто будут платить лишь рядовые граждане, независимо от их финансовых возможностей, состояния и рыночной стоимости имущества, условий его получения собственником. Неплата этого налога будет иметь юридическим последствием лишение граждан такого имущества. Нет сомнений, что оно за бесценок (по стоимости налогового долга, а не самого имущества) будет передаваться в собственность компаний, контролируемых олигархией, и бюрократии и станет для них новым источником обогащения. Также нет сомнений, что этот налог был введен в том числе из соображений создания дополнительных административных возможностей для перераспределения собственности, а не наполнения местных бюджетов, как это официально декларируется.

восприятием большой олигархической собственности основной массой населения Украины. В данном случае речь идет об эффекте легальной (законной), но нелегитимной собственности. Именно эта большая собственность в представлении граждан является материализованным наследием советской системы. С ее функционированием большинство населения связывает свое бывшее утраченное благосостояние, ассоциирует негативные процессы экономических трансформаций в стране. Согласно выводам социологов, нелегитимность стала следствием несправедливой и нечестной * в восприятии населения приватизации больших государственных предприятий, дальнейшего колоссального имущественного расслоения в обществе, распространения в нем настроений относительно возвращения этой собственности государству **.

Нелегитимность – первоисточник “размывания” и нестабильности прав собственности, искаженной мотивации экономических агентов и неэффективного (для общества) размещения ими ресурсов. Решение проблемы нелегитимности лежит в плоскости переосмысления и переоценки тех выгод и потерь, которые образовались после изменения форм собственности для различных слоев населения. В силу того, что по итогам приватизации значительная часть общества потеряла не только свой статус в социальной иерархии, но и (что важнее) свои доходы и материальное благополучие, легитимация собственности, как справедливо замечает А. Аузан, не возможна без решения так называемой “проблемы компенсаций” [20]. В Украине вопрос о подобной компенсации ставился лишь на уровне экспертов, тогда как до политических и управленческих решений дело не доходило, а в условиях сохранения олигархии у власти никогда и не дойдет, поскольку это приведет к утрате ею своего капитала. Такая ситуация обусловлена тем, что, как правило, легитимация предполагает возвращение приватизированного имущества государству, его частичное перераспределение или материальную компенсацию в пользу потерявших ***. Между тем применяемые при этом способы являются лишь формальной попыткой решить проблему, неформальную по существу [18, с. 29]. Поэтому их эффективность не высока, особенно тогда, когда, по меньшей мере, один из субъектов треугольника “государство – бизнес – общество” легитимации не поддерживает. В Украине же положение усложняется тем, что все эти субъекты в той или иной степени проявляют заинтересованность в “размывании” прав собственности и, соответственно, склонны поддерживать режим нелегитимной собственности.

Власти это позволяет избегать ответственности перед обществом за свои обязательства, подменять официально задекларированные цели развития страны частными целями властью или приближенных к власти лиц, выстраивать отношения с бизнесом на принципах партикуляризма (правила отдельно для каждого), а не универсализма (правила, одинаковые для всех). В таких условиях значительная часть решений власти наперед персонализирована, то есть ориентирована на конкретного субъекта – как в части создания ему специальных преференций, так и в части возможного его притеснения в интересах “третьих лиц”. Политика власти

* Как отмечает Р. Капелюшников, санкцию легитимности чаще всего получают события, процессы и институты, не противоречащие устоявшимся в обществе представлениям о “честной игре”, а когда “нечестность” того, что происходит, достигает определенной критической черты, легитимность “рассыпается”, и обеспечить ее не удастся даже аргументами об эффективности преобразований [18, с. 9].

** По данным Института социологии НАН Украины, в 2006 г. 67,5% опрошенных граждан негативно относились к передаче больших предприятий в частную собственность, а 58,2% – считали целесообразным вернуть их государству [19, с. 125]. В 2014 г. ситуация кардинально не изменилась, хотя доля негативных ответов снизилась до 54,7% [7, с. 1].

*** О способах легитимации собственности подробнее см. в [18, с. 28].

раздваивается на формальную официальную и реальную теневою, когда ее деятельность направляется на формирование экономического неравенства для реализации интересов отдельных агентов, которые отличаются от официально задекларированных целей развития общества в целом [21, с. 6]. Поскольку режим "размытых" прав является фундаментом для теневой политики, то власти нет смысла ограничивать свою деятельность формальными нормами, которые бы устанавливали ее ответственность, прозрачность, критерии формирования решений и т. п.

Теневая политика на фоне укрепления олигархии обусловила возникновение в Украине такого социально-деструктивного феномена, как приватизация государства. Последствиями стали отказ от создания общественных благ через кодифицированные и специфицированные правила экономического развития; появление качественно новых, никем не ограниченных возможностей для использования государственной власти как инструмента передела и доминирования на рынке, закрепления сфер влияния, устранения конкурентов не экономическими, а административными и силовыми методами, контроля над всеми материальными и денежными потоками страны с их направлением на обслуживание частных интересов отдельных лиц без узаконенного нормативного права на такие действия. Именно поэтому наиболее желанным и ценным для олигархического бизнеса активом в Украине стала государственная власть. Именно поэтому в Украине, по сравнению со всеми постсоветскими государствами, наивысший уровень политической борьбы за нее. Эта борьба скрывает исключительно экономические интересы олигархии, нередко перерастая в открытое (а сегодня, с большой вероятностью можно говорить, в военное) противостояние политических оппонентов и поддержание центробежных сепаратистских настроений. В данном ключе события на Востоке Украины, а также требования относительно предоставления отдельным районам Донецкой и Луганской областей специального статуса, звучащие со стороны олигархических кланов, утративших власть, но поддерживаемых внешним агрессором, следует рассматривать исключительно как форму борьбы за утраченные привилегии, которыми они владели, имея в своем распоряжении государство. К большому сожалению, эти требования нашли политическое отражение в пресловутых "Минских договоренностях", что будет лишь способствовать получению кланами еще больших привилегий и служить поводом для разжигания олигархических войн в будущем.

На этом фоне несколько противоречивой и неоднозначной выглядит так называемая "политика дерегуляции бизнеса", которую активно "продвигает" правительство в последние годы. С одной стороны, она официально преподносится как мощное средство стимулирования экономической активности субъектов и борьбы с коррупцией. Однако существует и другая сторона, на которую практически не обращают внимания. Поэтому логично возникает вопрос: для чего, для кого и какие последствия для общества может иметь дерегуляция в условиях нынешних "размытых" прав собственности и чрезвычайно низкого уровня их защиты?

Дерегуляция, которую еще отождествляют с либерализацией, по большому счету, — это не что иное, как "размывание" прав собственности. Сегодня государство отказывается от части своих регуляторных функций, отменяет часть формальных норм, которые регулируют отношения субъектов бизнеса с государством, между собой, с работниками, с населением. При этом активно формируется общественное мнение о необходимости отмены как будто бы устаревших Хозяйственного и Гражданского кодексов Украины, а также существенной либерализации Трудового кодекса Украины. Однако такая отмена почему-то никак не отражается на эконо-

мическом оживлении, а наоборот – экономика и производство продолжают деградировать, коррупция не уменьшается, безработица растет, криминальная ситуация обостряется.

Стоит заметить, что связь между дерегуляцией и ростом вовсе не такая прямая и сильная, как предполагают ее идеологи. В частности, Дж. Стиглиц еще в 2000 г. на примере рынка капитала показал, что либерализация (в нашем случае – дерегуляция. – Ю.В.К.) далеко не всегда стимулирует рост, а в большей мере приводит к нестабильности и хаосу [22]. Его выводы полностью подтвердились в 2008–2009 гг., когда в мире развернулся финансовый кризис, обусловленный, как потом стало понятно, именно значительной либерализацией мирового финансового рынка в предыдущее десятилетие, после чего западными правительствами был взят курс на усиление регулирования (дерегуляцию) этого рынка. В Украине в качестве примера конечных последствий дерегуляции для экономики с большой вероятностью можно назвать ситуацию с незаконной добычей янтаря. Эта сфера до последнего времени практически не регулировалась государством, то есть была полностью дерегулированной. В ней сложились свои неформальные криминализованные отношения между субъектами добычи, с одной стороны, а также представителями власти и правоохранительных органов, криминальными группировками, которые все вместе “покрывали” (“крышевали”) эту добычу, с другой. Кроме значительных потерь для бюджета страны и незаконного теневого сверхобогащения бюрократии и отдельных дельцов, добыча этого камня повлекла за собой катастрофические экологические последствия.

Еще одним, не менее красноречивым, негативным примером дерегуляции и “размывания” прав собственности, заслуживающим отдельного внимания, является принятие в течение последних 5 лет законодательных изменений к правилам государственной регистрации субъектов хозяйствования *. Эти изменения, как признал Министр юстиции Украины П. Петренко, на фоне традиционной официальной риторики о необходимости упрощения условий ведения бизнеса в стране, де-факто были приняты для существенного расширения возможностей его захвата посторонними лицами и мошенничества с собственностью субъектов **. Иначе говоря, государство в завуалированной форме фактически узаконило рейдерство. Была введена упрощенная процедура государственной регистрации юридического лица и внесения изменений в его учредительные документы и регистрационные данные, а также предоставлено право нотариусам на регистрационную деятельность. Таким образом была отменена государственная монополия в этой сфере и расширено поле для деятельности так называемых “черных регистраторов” и “черных нотариусов”. Пользуясь законодательными пробелами и неточностями, действуя в сговоре с рейдерскими группами, они получили возможность беспрепятственного внесения изменений в состав собственников и руководства предприятий в соответствующем государственном реестре ***. Только в 2015 г. благодаря этим “новациям” произошло около 3 тыс. рейдерских захватов предприятий, и лишь 300 из них удалось воз-

* Про державну реєстрацію юридичних осіб, фізичних осіб-підприємців та громадських формувань : Закон України від 15.05.2003 р. № 755-IV (в редакції Закону України від 26.11.2015 р. № 835-VIII); Про державну реєстрацію речових прав на нерухоме майно та їх обтяжень : Закон України від 01.07.2004 р. № 1952-IV (в редакції Закону України від 26.11.2015 р. № 834-VIII).

** Интервью Министра юстиции Украины П. Петренко в телевизионной передаче “Факты-ICTV” от 27 июля 2016 г. (доступно для просмотра с официального сайта Министерства юстиции Украины, а также на странице телеканала “ICTV” на видеопортале “YouTube”).

*** Более подробно о схемах рейдерских захватов на основе законодательных нововведений см. в [23].

вратить предыдущим собственникам. В этой связи, очевидно, не нуждается в доказательстве тезис о том, что рейдеры, получив от государства "благоприятные" условия для своей деятельности и действуя под покровительством и защитой его высокопоставленных представителей, являются лишь одним из инструментов власти в перераспределении собственности в пользу олигархических кланов. Также можно согласиться с неутешительным, хотя несколько категорическим, выводом И. Рущенко о том, что в Украине произошел переход от криминального общества, возникшего в 1990-е годы, к криминальному государству сегодня [6].

Отмена или же отсутствие (как в случае с янтарем) формальных норм всегда влекут за собой появление неформальных, причем далеко не всегда взаимовыгодных для всех субъектов. В данном случае при формировании неформальных правил и решении неизбежных конфликтов между субъектами будет срабатывать известный принцип права силы, а не силы права. Поэтому, в условиях "размытой" и незащищенной собственности, имущественного неравенства и концентрации капитала в руках олигархии, провозглашенная в стране дерегуляция наибольшую выгоду принесет именно последней, поскольку откроет новые возможности для ее обогащения за счет не развития производства, а усиления перераспределительных процессов. Бюрократия также не останется в проигрыше, поскольку, в конечном счете, при отсутствии возможностей для разрешения споров между субъектами на основе возникших вследствие дерегуляции неформальных норм последние на коррупционной основе будут обращаться к ней как к арбитру за нахождением формальных партикулярных решений.

В отношениях власти и бизнеса в Украине в условиях "размытой" и незащищенной собственности приватизация государства — не единственная модель их взаимодействия. Как отмечалось, такие отношения характерны лишь для олигархического капитала и власти. С малым и средним бизнесом, а также с большим бизнесом, не представленным во власти (хотя это редкость для Украины), власть выстраивает свои отношения на основе модели патронажа ("крышевания" своего бизнеса), "подавления" (использования неэкономических административных и силовых средств устранения конкурентов "провластного" бизнеса), ренты ("откатов", "откупных" от бизнеса за нужные ему хозяйственные решения и возможность находиться "в тени"), партнерства (компромисса между властью и бизнесом) [21, с. 9].

Первые четыре модели являются неформальными, но полностью имплементированными в Украине формами взаимодействия. Последняя, хотя и провозглашается официально и закреплена законодательно, все же на практике остается декларацией. Эти модели иерархически взаимосвязаны. Верхушкой иерархии служит модель приватизированного государства, благодаря которой олигархия использует другие модели как средства альтернативного внеэкономического получения сверхдоходов в условиях деградированной экономики. Поэтому закономерны отсутствие прогрессивных институциональных и социально-экономических сдвигов и перманентное, тотальное, волюнтаристское административно-силовое перераспределение собственности в стране.

Приватизация государства сделала невозможным создание эффективного собственника. Провластный олигархический бизнес денежными и административными средствами государства удовлетворяет преимущественно собственные интересы, далекие от интересов общества. Проблемы общества решаются на том минимально необходимом уровне, который позволяет обезопасить деятельность олигархии от угрожающих социальных конфликтов, хотя это, как подтвердили неединичные массовые протестные выступления населения, далеко не всегда удается.

“Размытые” права собственности, расплывчатые или вообще отсутствующие законодательные нормы позволяют власти не обращать внимания на критерии общественной эффективности в принятии государственных решений, а формировать их с учетом запросов олигархии, отдавая ей на откуп контроль над процессами формирования государственных финансов, а также распоряжение ими и всем национальным богатством страны. Примеров тому немало. Это и “выдавливание” из субъектов хозяйствования и населения ресурсов через установление чрезмерной, не сопоставимой с их экономическими возможностями, налоговой нагрузки – при том, что весь олигархический бизнес работает по оффшорным схемам. Это и экономически необоснованное и непрозрачное (“кулуарное”) предоставление провластному бизнесу привилегий и льгот, регулярное законодательное списание ему различных долгов перед государством, погашение его кредиторской задолженности за счет государства, приватизация государственных объектов на условиях, выписанных и приемлемых лишь для олигархии, предоставление лицензий на добычу полезных ископаемых исключительно “своим” компаниям, осуществление государственных закупок исключительно у “своих” компаний (как подтвердила практика, даже пресловутая система “ProZorro” здесь бессильна), “ручное” распределение бюджетных ресурсов без учета норм обеспечения субъектов бюджетной сферы, финансирование разнообразных сомнительных программ и т. п. Все это доказывает, что проблема мягких бюджетных ограничений, которая остро стояла в советской экономике и, по замыслу реформаторов, должна была быть решена путем отказа от государственной собственности, так и осталась нерешенной. Это объясняет, почему после приватизации, как упоминалось, подавляющая часть больших и сверхбольших предприятий в промышленности остались неэффективными.

“Размытые” права собственности – основа теневой экономики: чем выше уровень “размывания”, тем выше степень тенизации, и наоборот. В Украине половина экономики длительное время находится “в тени”. При этом, как обращают внимание эксперты, распространение тенизации является следствием слабости институтов государства *, а приватизированное государство само в значительной мере заинтересовано в существовании теневого сектора. Можно согласиться, что по сравнению с легальной экономикой, где четко определены права собственности, во-первых, теневая экономика позволяет государственной бюрократии получать дополнительные, на порядок более высокие, чем легальные, неофициальные доходы из теневого бизнеса, а во-вторых, теневые доходы бюрократии (что важнее) являются источником ее самосохранения в условиях экономической и политической турбулентности путем выстраивания коррупционных сетей и пирамид внутри властной иерархии [21, с. 10–14].

Отечественный бизнес также заинтересован в поддержании режима “размытых” прав и тенизации своей деятельности. Причина этого, как указывалось, заключается в получении индивидуальных привилегий. Однако есть и другие факторы, в числе которых стоит отметить, по меньшей мере, два. Первый из них обусловлен тем, что таким образом весь бизнес (а не его отдельные провластные представители) увеличивает свою доходность, не платя налогов благодаря подкупу представителей фискальных органов. Это выгодно бизнесу, но можно предположить, что государство сознательно устанавливает непосильную для субъектов налоговую нагрузку на фоне “размытых” прав собственности (в данном контексте это отсутствие правовых механизмов ее обжалования) для создания себе источников неофициальных доходов. Второй фактор связан с тем, что таким образом отечествен-

* Основные причины тенизации экономики Украины освещены в [3; 24].

ные производители, получая более высокие доходы, а следовательно — более высокую устойчивость, реагируют на конкурентное давление иностранных компаний на внутреннем рынке, пытаются компенсировать недостатки своей технологической и организационной отсталости на фоне серьезных ресурсных ограничений. Также, в силу упомянутых моделей взаимодействия государства и бизнеса, с большой вероятностью можно предполагать, что государство в рамках так называемой “дерегуляции” лишь способствует распространению теневой деятельности субъектов, ограничивая или отменяя контроль за ними.

Население больше всего страдает от “размывания” прав собственности в стране, особенно в части социальных, экономических, трудовых прав. Стоит отметить, что практически все так называемые “реформы”, проводившиеся в Украине на протяжении последней четверти века, были направлены на ограничение или лишение прав рядовых граждан, которые из-за этого оказались практически беззащитными перед произволом государственной бюрократии и работодателей. Население сначала де-факто, а впоследствии и де-юре утратило права на достойное медицинское, социальное, пенсионное и жилищное обеспечение, на гарантированное рабочее место с достойными условиями труда и оплатой, на качественное образование и т. п. Контролируемое олигархией государство, как никогда, близко к узакониванию трудового бесправия, фактически “трудового рабства” наемных работников наподобие того, которое сформировалось в теневом секторе экономики *. Все это лицемерно подается как стремление к европейским ценностям и стандартам жизни, причем игнорируется то обстоятельство, что формирование социального государства западного образца, которое было начато в 30-е годы прошлого века, происходило в направлении максимально полного обеспечения этих прав граждан западными правительствами, а не наоборот — их лишения, как у нас. Именно их соблюдение и защита создали на Западе питательную среду для роста благосостояния населения и развития экономики на инновационной основе.

В Украине все, что касается обеспечения и защиты прав граждан, властью однозначно преподносится как вредный популизм, а лишение их прав — как важные и эффективные реформы. Из западного опыта становится очевидно, что результаты таких “реформ” в Украине будут далеки от декларируемой цели — создания социального государства. Это уже привело к формированию откровенно негативных общественных настроений. По данным Института социологии НАН Украины, в 2014 г. ощущали свою беспомощность перед произволом власти 17% граждан, утратили социальный оптимизм и надежду на то, что ситуация в стране изменится к лучшему, — соответственно, 27%, потеряли веру в людей, сталкиваясь с подлостью и предательством, — 18% [7, с. 45]. Реальные инструменты и механизмы защиты прав граждан в Украине отсутствуют, более того — государство не ставит себе целью их создание. Поэтому 56% украинцев полагают, что ничего не смогут сделать в слу-

* Проектом нового Трудового кодекса Украины (регистрационный № 1658), который в ноябре 2015 г. принят Верховной Радой Украины в первом чтении и официально подается как акт дерегуляции и улучшения условий для ведения бизнеса, предусмотрены: отмена нормированного рабочего дня; возможность бесплатного расширения трудовых обязанностей; упрощение процедуры увольнения; расширение списка причин для увольнения работника без согласования с профсоюзом; нивелирование роли трудовых коллективов и профсоюзов в защите интересов работников; расширение возможностей для применения дискриминационных срочных отношений на основе трудовых соглашений; привлечение (фактически — принуждение) работника к сверхурочным работам и работам в выходные без согласия профсоюза; установление контроля над работником техническими средствами; увольнение без ограничений несовершеннолетних; привлечение для работы в ночное время женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет, и несовершеннолетних; и т. п.

чае принятия государством решений, ущемляющих их законные права и интересы, а 5,5% граждан готовы к радикальным действиям (захвату зданий государственных учреждений (3,1%), созданию не зависимых от Президента и Правительства вооруженных формирований (2,4%)), то есть потенциал “горящих шин” и “коктейлей Молотова” для защиты населением своих прав себя не исчерпал [7, с. 12, 13]. Отсюда – колоссальное недоверие к институтам государства: Президенту Украины полностью доверяют лишь 5,4% граждан, Верховной Раде Украины – 0,9%, Правительству Украины – 1,8% [7, с. 23].

Приватизация государства олигархией, автономизация власти по отношению к рядовым гражданам, нивелирование их прав обусловили явление отторжения обществом официального государства и дали толчок формированию в отдельных регионах Украины (в Хмельницкой, Тернопольской, Львовской областях) нового феномена – народной экономики и народных предприятий. Они не регистрируются в государственных органах, не получают государственных лицензий и разрешений, не платят государству налогов, заменяя их незначительными взносами в фонд общины, на территории которой они работают и которая выдает им “разрешения” на работу. При этом законность своей деятельности такие предприятия обосновывают ст. 5 Конституции Украины и законодательством о местном самоуправлении и территориальных общинах [25].

Между тем, несмотря на все эти “отклонения”, население также имеет некоторые выгоды от режима “размытых” прав и теневой экономики. Работая “в тени”, оно львиную долю своих доходов не декларирует, а получает от работодателя “в конвертах” (по данным ГФС, по состоянию на август 2016 г., таких работодателей насчитывалось свыше 60%). Субъект теневой деятельности официально выплачивает своим работникам лишь законодательно установленную минимальную заработную плату, тогда как незадекларированная оплата их труда превышает задекларированную в среднем в 3–5 и более раз. Поэтому скрытые доходы привлекательны для населения: они позволяют сохранять “температуру” социального недовольства граждан на уровне, который не выливается в перманентный острый социальный конфликт с разрушительными последствиями для страны; поддерживать потребление в периоды циклических спадов производства, выступая стимулом к выходу из рецессии; жить не по официальным средствам на фоне официальной бедности; и т. п. Само государство смотрит на проблему сокрытия гражданами своих доходов “сквозь пальцы”. Это позволяет ему особо не тратиться на поддержание предусмотренных законом социальных гарантий, а “экономленные” по этим статьям средства использовать на удовлетворение частных интересов власти.

Выводы

Реформирование института собственности – “демократизация” versus “олигархизация”

Очевидно, что существующий режим функционирования собственности на фоне структурно-технологической отсталости экономики ориентирован лишь на удовлетворение краткосрочных интересов субъектов, однако он категорически не приемлем с позиций создания возможностей для преодоления этой отсталости в долгосрочной перспективе. Без изменений в отношениях собственности и преодоления явления олигархии традиционные меры экономической политики для стимулирования развития будут неэффективными. Например, в выборе моделей промышленной политики складывается патовая ситуация. С одной стороны, “жесткая” политика не снимает, а наоборот – обостряет, проблему мягких бюджетных ограничений, поскольку создает непродуктивные (не направленные на развитие)

привилегии исключительно для олигархии, а применяемые при этом инструменты лишь консервируют отсталость производства. С другой стороны, “мягкая” либеральная политика в условиях “размытых” и незащищенных прав собственности, расплывчатости или отсутствия формальных правил взаимодействия субъектов будет приводить к обратному эффекту — усилению экономического неравенства и перераспределительных процессов в пользу олигархии, применению ею права силы в политике и экономике, росту спроса субъектов на партикулярные решения власти.

Приватизированное государство создает ряд угроз как внутреннего, так и внешнего происхождения. В числе внутренних угроз — перманентная острая политическая, экономическая, а теперь (как стало понятно) и военная борьба олигархических кланов за право собственности на это государство, а в числе внешних — неконтролируемое проникновение на внутренний рынок иностранных ТНК, по сути — иностранной олигархии. Не следует тешить себя иллюзиями, что такое проникновение является благом для Украины. И отечественная практика, и опыт развивающихся стран с подобными Украине институциональными условиями продемонстрировали преимущественно негативные последствия деятельности иностранных ТНК для их экономик [26; 27]. В данном контексте важно подчеркнуть, что такие последствия определяются именно институциональными условиями, в частности — способностью государства направлять деятельность этих компаний в нужное для страны русло и ставить их в одинаковые условия с внутренними субъектами. Модель приватизированного государства идеально подходит для навязывания иностранными ТНК институтов, выгодных для себя, но не приемлемых для общества в стране. А в силу значительно большего финансового потенциала иностранной олигархии по сравнению с отечественной, угроза реприватизации государства в пользу первой из них слишком высока и реалистична *. В таком случае о структурно-технологической модернизации национальной экономики и промышленности в интересах общества можно забыть. Для иностранных ТНК привлекательными в Украине являются лишь аграрная сфера как основная **, транспортная (в частности, портовая и железнодорожная) инфраструктура как вспомогательная для беспрепятственного вывоза аграрного сырья на мировые рынки, IT-сектор как объект аутсорсинга для иностранных IT-компаний.

Реформирование отношений собственности для обеспечения эффективных структурных изменений и модернизации производства в интересах общества, а не олигархии, не должно отождествляться исключительно с окончательной приватизацией остатков государственного имущества. Следует помнить, что приватизация должна рассматриваться лишь как один из инструментов, а не как цель экономической политики в вопросах повышения эффективности собственности. Современной теорией и практикой доказано, что не существует универсально приемлемой формы собственности, которая бы всегда и независимо от конкретно-исторических условий превосходила по эффективности остальные ее формы в любой стране или сфере экономики [28, с. 7–8]. При определенных “рафинированных”, идеаль-

* Подобная ситуация наблюдается в большинстве африканских и южноамериканских стран, а также в отдельных постсоциалистических странах — членах ЕС, где производство практически полностью перешло в собственность иностранных ТНК из развитых стран, а правительства утратили возможность самостоятельно определять направления своей экономической и социальной политики.

** Можно предположить, что именно из-за этого международные институты, с которыми активно сотрудничает Правительство Украины, настойчиво навязывают нам необходимость скорейшего снятия запрета на приватизацию земель сельскохозяйственного назначения.

ных институциональных условиях в стране *, обозначенных Дж. Стиглицом и Д. Сапингтоном в “фундаментальной” теореме приватизации (“теореме безразличия”) [29], выбор в пользу приватизации или национализации, государственного или частного предпринимательства далеко не очевиден, а потому однозначно и категорически говорить о необходимости приватизации оснований нет. Если большинство из этих условий отсутствуют или не действуют в полной мере, то последствия приватизации, как подтвердила украинская действительность, будут негативными, а при существовании приватизированного олигархией государства их создание и поддержание становятся невозможными, частная собственность обречается на перманентную неэффективность, прежде всего, общественную.

Присоединяясь к позиции В. Полтеровича, отметим, что решение структурных проблем производства и его модернизация могут быть обеспечены путем формирования рационального соотношения государственной и частной форм собственности, без приуменьшения роли первой и идеализации роли второй в этих процессах [30, с. 58]. Большие государственные предприятия (прежде всего, государственные холдинги и производственные объединения **) следует использовать в качестве “агентов” модернизации, ключевых субъектов формирования технологических платформ на приоритетных направлениях развития, инициаторов и основных исполнителей крупных отраслевых и межотраслевых проектов ***. Причем приоритетами для государственной поддержки должны выступать именно конкретные проекты с определенной эффективностью, а не отрасли как таковые, безотносительно к проектной привязке. Частная собственность должна доминировать в сфере малого и среднего бизнеса.

В Украине государственные предприятия следует использовать для преодоления “провалов” рынка (в том числе в инновационной и социальной сферах, в сфере естественных монополий); получения мощных положительных экстерналий; развития и поддержания всех видов инфраструктуры; развития высокотехнологических перерабатывающих отраслей; контроля над “угасающими” производствами и сферами; поддержания инновационной и инвестиционной активности в отсталых и депрессивных регионах; увеличения доходов бюджета; добычи и рационального использования природных ресурсов с экологической точки зрения и по принципу справедливости поколений; обеспечения стабильности в финансовой сфере; восстановления разрушенных войной территорий на Востоке страны. Иначе говоря, можно утверждать, что эти предприятия должны в немалой степени определять безопасность развития страны и общества в различных аспектах.

* Такими условиями являются “благосклонное” государство, максимизирующее общественное благосостояние; конкуренция на рынке и действенные механизмы ее защиты; отсутствие негативных экстерналий; полный доступ производителей к информации (симметричная информация); отсутствие рисков хозяйственной деятельности; полнота контрактов; полные спецификации и защита прав собственности законом, правоохранительными и судебными органами; невозможность в рамках политической системы получения личной выгоды политиками и бюрократией от принятых ими государственных решений [28, с. 39].

** Речь идет, прежде всего, обо всех объектах “группы Г” и частично “группы В” по классификации ст. 5 Закона Украины “О приватизации государственного имущества” от 04.03.1992 г. № 2163-ХІІ.

*** Не стоит воспринимать подобный подход с иронией и скепсисом. К сожалению, при формировании государственной политики Украине был навязан (прежде всего, иностранными советниками) вредный стереотип о необходимости полного отказа от государственной собственности и ее несущественной роли в экономическом развитии. В отличие от такой позиции, есть немало работ, доказывающих противоположное ([31; 32]; *The rise of state capitalism // The Economist*. – 2012. – January 21st–27th [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.economist.com/node/21543160/>).

За ними целесообразно законодательно закрепить статус стратегических предприятий, с предоставлением им соответствующей государственной поддержки и особых условий регулирования их деятельности в соответствии с поставленными перед ними задачами.

Не вдаваясь в подробное раскрытие основ организации государственного и корпоративного управления государственными компаниями *, отметим, что формирование корпоративной структуры таких компаний, на наш взгляд, должно, с одной стороны, учитывать необходимость выпуска преимущественно продукции конечного потребления и максимального замыкания внутри корпораций технологических цепочек ее изготовления, а с другой — ориентироваться на широчайшую внутреннюю межрегиональную аллокацию предприятий, входящих в их состав. Такая аллокация станет экономической предпосылкой для “связывания” отдельных регионов между собой, смягчая острые для Украины проявления регионального сепаратизма, в немалой степени обусловленного существенной экономической обособленностью регионов друг от друга, включением значительного количества предприятий (особенно с Востока страны) в технологические цепочки иностранных компаний, причем компаний преимущественно из страны-агрессора. Кроме того, региональное размещение стратегических предприятий (прежде всего, предприятий ОПК) должно учитывать существующую географию внешних военных угроз для страны. Поэтому уже сегодня те предприятия, которые находятся в регионах с высоким уровнем таких угроз, целесообразно переместить в другие, более безопасные регионы.

Понятно, что количественное соотношение между размером государственного и частного секторов должно определяться конкретными задачами развития производства и инфраструктуры. Поэтому необходимо четко обозначить цели государственного предприятия, сферу и масштабы его деятельности. “Портфель” государственных активов следует регулярно пересматривать и в случае необходимости изменять в зависимости от списка задач, которые уже решены или должны быть решены в перспективе. Под все предприятия, которые будут подлежать приватизации, нужно разрабатывать проект обоснования ее целесообразности, а также в обязательном порядке предусматривать возможность возвращения в государственную собственность объектов в случае невыполнения субъектами условий приватизационного договора. В этой связи стоит изменить подходы к законодательному установлению перечня объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации **. На сегодня отсутствуют нормативно-методические акты, которые бы определяли этот перечень и целесообразность присутствия в нем тех или иных объектов. Поэтому чиновники устанавливают его по своему собственному усмотрению, в немалой степени руководствуясь личной выгодой. Не удивительно, что с момента принятия соответствующего законодательства в 1999 г. этот перечень лишь сокращался и никогда не связывался с задачами развития страны.

Перевод большого бизнеса в государственную собственность позволит параллельно решить другую важную проблему — деолигархизировать экономику и политику ***. Это связано с тем, что основой для возникновения и существования оли-

* Проблемам организации эффективного государственного и корпоративного управления на предприятиях государственной собственности посвящено немало работ ([30; 33]; OECD Guidelines on Corporate Governance of State-Owned Enterprises. — Paris : OECD Publishing, 2005. — 52 p.).

** Про перелік об’єктів права державної власності, що не підлягають приватизації : Закон України від 07.07.1999 р. № 847-XIV (з наступними змінами).

*** Упреждая возможную критику и скептицизм оппонентов по поводу того, что в нынешней ситуации контролируемое олигархией государство никогда само не инициирует подобных

гархии является, прежде всего, большая собственность. Она должна быть деприватизирована и возвращена государству, причем не избирательно, а полностью, иначе подобная мера превратится в ее очередной передел между провластными и оппозиционными олигархическими кланами. Вся большая собственность должна стать достоянием не олигархии, а всего населения страны. Должна произойти, по определению А. Гальчинского, ее “демократизация”, присущая наиболее развитым странам мира, где ее собственниками формально выступают разнообразные государственные суверенные фонды [2, с. 114–124]. Акциями таких фондов владеют большинство граждан этих государств. После создания подобных фондов в Украине, на наш взгляд, право на безусловное владение их акциями следует предоставить всем гражданам страны в одинаковой степени*. Кроме преодоления проблемы олигархизации, это позволит уменьшить масштабы и угрозы имущественного неравенства населения, смягчит проблему его пенсионного обеспечения.

Логика преодоления деформаций в функционировании института собственности должна выстраиваться по стратегии одновременных целенаправленных изменений в институциональных и экономических параметрах хозяйственной системы страны, что обусловлено их взаимным проникновением. С одной стороны, без преодоления проблемных “узлов” в отечественной экономике – структурных, технологических, воспроизводственных, организационно-управленческих, социальных – обеспечить позитивные институциональные изменения не удастся. С другой стороны, изменения в системе прав собственности – как в части формирования прозрачного и справедливого доступа субъектов к ресурсам (регуляторная, денежно-кредитная, бюджетная политика) и распределения доходов (налоговая политика), так и в части надежной защиты прав собственности и их четкой спецификации не только для государства, но и для субъектов хозяйствования и, в конечном счете, для рядовых граждан – должны стать неотъемлемой составляющей стратегии развития экономики, чего до последнего времени не происходило. Это существенно ограничит возможности для представителей власти и бизнеса получать “административные”, “рентные” и “рейдерские” доходы, повысит у субъектов хозяйствования стимулы к продуктивной производственной деятельности, их заинтересованность во внедрении инноваций.

В силу этого важными и сверхсложными задачами являются, во-первых, разработка механизма трансформации политических обязательств власти, взятых ею на себя перед обществом, в практическую плоскость, с предусмотрением ответственности власти за их невыполнение, а во-вторых – формирование эффективной конституционно и законодательно формализованной системы контроля со стороны общества за деятельностью власти с возможностью ее оперативной корректировки. Целесообразность этого связана с необходимостью ликвидации неформально-

процессов, подчеркнем, что мы это осознаем. Не углубляясь в раскрытие этой проблемы в силу ее масштабности, кратко отметим: не следует забывать, как обращают внимание Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [10], что радикальные институциональные изменения и перелом траектории институционального и экономического развития всегда происходят под влиянием определенных критических для общества как внешних, так и внутренних экономических, социальных, демографических, политических, военных и даже климатических обстоятельств. Одни критические обстоятельства в свое время породили в Украине олигархию и дали толчок развитию экстрактивных экономических и политических институтов. Другие критические обстоятельства, многие из которых сегодня уже сформированы самой олигархией, дадут толчок деолигархизации и развитию инклюзивных институтов.

* В свое время, еще в XIX в., похожие идеи высказывал украинский классик И. Франко, однако они никогда не были воплощены у нас, что в немалой мере привело к нынешней, без преувеличения, экономической и социальной катастрофе в стране [34].

го и формального партикуляризма в отношениях между властью, бизнесом и обществом, а также минимизации использования власти бизнесом и бюрократией в личных целях.

Вообще не стоит надеяться, что “размытый” режим собственности и тенизацию хозяйственной деятельности удастся преодолеть за короткое время принятием какого-то одного нормативного акта, который все сразу урегулирует. В этом контексте стоит чрезвычайно осторожно относиться к политике дерегуляции, поскольку в условиях неопределенности прав собственности она будет иметь лишь негативные последствия для экономики и общества.

По нашему мнению, важнее сначала изменить и закрепить в сознании всех граждан, а впоследствии — отразить в законодательстве фундаментальный принцип формирования самого права как государства, так и субъектов хозяйствования в ведении ими своей деятельности и отношениях между собой и с гражданами. На сегодня его можно сформулировать так: “Разрешено все, что не запрещено”. Следование этому принципу обусловило возникновение большинства проблем в функционировании института собственности в Украине, поскольку чем больше “размытость”, тем меньше норм, запрещающих агентам предпринимать определенные действия, придерживаться определенного поведения и устоявшихся общественных ценностей. Следствием его наложения на “размытую” систему прав стал рост неупорядоченности и хаотичности в отечественной хозяйственной системе. Это повысило уровень ее асимметричности и затратности, что при остром дефиците финансовых ресурсов лишь закрепляло негативные тенденции отечественного производства. Поэтому возможно введение другого, противоположного существующему, принципа: “Разрешено только то, что регламентировано” (соответственно, все остальное запрещено). По мере “вызревания” хозяйственной системы количество разрешенного должно накапливаться и регламентироваться. С нашей точки зрения, это станет основой для формирования заинтересованности всех субъектов — государства, бизнеса и населения — в четкой спецификации своих прав собственности, их взаимной согласованности и непротиворечивости. В таких условиях вопрос дерегуляции возникать не будет, а проблема существующих деформаций института собственности и институциональных ловушек будет постепенно нивелироваться.

Список использованной литературы

1. Гриценко А. “Українське економічне диво”, або Куди ведуть реформи? // Дзеркало тижня. — 2016. — 17–23 червня. — № 22.
2. Гальчинський А. Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу. — К. : Українські пропілеї, 2001. — 320 с.
3. Барановський О., Сіденко В. Проблеми власності та легалізації капіталів і доходів в Україні // Національна безпека і оборона. — 2004. — № 2. — С. 2–13.
4. Недоліки механізму приватизації в Україні та їх наслідки // Національна безпека і оборона. — 2004. — № 2. — С. 38–39.
5. Руценко И. “Криминальная революция” как социетальный фактор // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 3. — С. 194–210.
6. Руценко И. От “криминальной революции” к “криминальному обществу” // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2014. — № 2. — С. 3–22.
7. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. — Т. 1. — Вип. 1 (15) : Додаток: Таблиці моніторингового опитування “Українське суспільство — 2014”. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2014. — 96 с.

-
8. *Бессонова О.* Образ будущего России в контексте теории раздаточной экономики // Публичные лекции “Полит.ру”. – 2008. – 5 декабря [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html>.
9. *Libman A.* Different paths of the second transition in the post-Soviet world: a political-economic analysis // MPRA Paper. – 2008. – № 11781. – 16 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/11781>.
10. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М. : Изд-во АСТ, 2015. – 575 с.
11. *Капелюшников Р.* Право собственности (очерк современной теории) // Отечественные записки. – 2004. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii>.
12. *Ларцев В.* Гнилой привкус образцовой приватизации “Криворожстали” // Интернет-издание “Хвиля”. – Новости от 27 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hvylya.net/analytics/economics/gniloy-privkus-obraztsovoy-privatizatsii-krivorozhstali.html>.
13. *Даниленко А.І., Зимовець В.В.* та ін. Вплив кризи на фінанси реального сектора економіки України та шляхи їх оздоровлення : моногр. ; [за ред. А.І. Даниленка]. – К. : Ін-т екон. та прогнозів. НАН України, 2014. – 520 с.
14. Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) : В 3 ч. / Фирмы современной России. – Ч. 2 ; [под ред. Р.М. Нуреева]. – М. : Моск. общ.-науч. фонд, 2003. – 349 с.
15. *Сонин К.* Институциональная теория бесконечного передела // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 1–15.
16. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции ; [пер. с англ. Г.Г. Пирогов]. – М. : Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.
17. *Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A.* The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics. – 2003. – Vol. 50. – № 1. – P. 199–222.
18. *Капелюшников Р.* Собственность без легитимности? : препринт WP3/2008/03. – М. : ГУ ВШЭ, 2008. – 40 с.
19. *Резнік В.* Стан соціальної легітимності приватної власності на землю та капітал // Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг ; [за ред. В. Ворони, М. Шульги]. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2006. – С. 118–128.
20. *Аузан А.* Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки. – 2004. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2004/6/vertikalnyu-kontrakt-neustoychiv>.
21. *Барсукова С.* Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания : препринт WP4/2006/01. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 48 с.
22. *Stiglitz J.E.* Capital Market Liberalization, Economic Growth, and Instability // World Development. – 2000. – Vol. 28. – № 6. – P. 1075–1086.
23. *Боднарчук С.* Спрощення держреєстрації: боротьба з рейдерством чи допомога в незаконних захопленнях бізнесу? // Закон і бізнес. – 2016. – № 32 (1278) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zib.com.ua/ua/125033-sproschennya_derzhreestracii_borotba_z_reyderstvom_chi_dopom.htm.
24. *Варналій З.С.* та ін. Тіньова економіка: сутність, особливості та шляхи легалізації : моногр. ; [за ред. З.С. Варналія]. – К. : НІСД, 2006. – 576 с.
25. *Сибирцев А.* Люди вне государства // Информ-портал “Страна”. – Новости от 23 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://strana.ua/articles/istorii/4117-lyudi-vne-gosudarstva.html>.

26. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. — М. : Pretext, 2005. — 319 с.
27. Вернер К., Вайс Г. Черная книга корпораций. — Екатеринбург : Ультра. Культура, 2007. — 416 с.
28. Радыгин А., Энтов Р. “Фундаментальная” теорема приватизации: идеология, эволюция, практика // Экономическая политика. — 2013. — № 6. — С. 7–45.
29. Sappington D., Stiglitz J. Privatization, information and incentives // Journal of Policy Analysis and Management. — 1987. — Vol. 6. — Iss. 4. — P. 567–585.
30. Полтерович В. Приватизация и рациональная структура собственности. — М. : Ин-т экономики РАН, 2012. — 66 с.
31. Попов В. Приватизация в теории и на практике // Экспертный портал “Открытая экономика”. — Новости от 18 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://opes.ru/1345942.html>.
32. Musacchio A., Lazzarini S. Leviathan in Business: Varieties of State Capitalism and their Implications for Economic Performance // Harvard Business School. Working Paper 12-108. — 2012. — June 4.— 63 p.
33. Авдашева С., Долгопятова Т., Пляйнес Х. Корпоративное управление в АО с государственным участием: российские проблемы в контексте мирового опыта : препринт WP1/2007/01. — М. : ГУ ВШЭ, 2007. — 52 с.
34. Франко І. Що таке соціалізм? / Іван Франко. Зібрання творів у п'ятдесяти томах : Том 45. Філософські праці. — К. : Наукова думка, 1986. — С. 44–55.

References

1. Grytsenko A. “Ukrains’ke ekonomichne dyvo”, *abo Kudy vedut’ reformy?* [“Ukrainian economic wonder”, or Where do the reforms lead?]. *Dzerk. Tyzhnya – Week’s Mirror*, June 17–23, 2016, No. 22 [in Ukrainian].
2. Gal’chyns’kyi A. *Superechnosti Reform: u Konteksti Tsyvilizatsiinogo Protsesu* [Contradictions of Reforms: in the Context of the Civilizational Process]. Kyiv, Ukr. Propilei, 2001 [in Ukrainian].
3. Baranovs’kyi O., Sidenko V. *Problemy vlasnosti ta legalizatsii kapitaliv i dokhodiv v Ukraini* [Problems of property and legalization of capitals and incomes in Ukraine]. *Nats. Bezp. i Obor. – Nat. Secur. and Defense*, 2004, No. 2, pp. 2–13 [in Ukrainian].
4. *Nedoliky mekhanizmu pryvatyzatsii v Ukraini ta ikh naslidky* [Shortcomings of the mechanism of privatization in Ukraine and their consequences]. *Nats. Bezp. i Obor. – Nat. Secur. and Defense*, 2004, No. 2, pp. 38–39 [in Ukrainian].
5. Rushchenko I. “Kriminal’naya revolyutsiya” *kak sotsietal’nyi faktor* [“Criminal revolution” as a societal factor]. *Sotsiol.: Teor., Metod., Market. – Sociol.: Theory, Meth., Market.*, 2008, No. 3, pp. 194–210 [in Russian].
6. Rushchenko I. *От “криминальной революции” к “криминальному обществу”* [From “criminal revolution” to “criminal society”]. *Sotsiol.: Teor., Metod., Market. – Sociol.: Theory, Meth., Market.*, 2014, No. 2, pp. 3–22 [in Russian].
7. *Ukrains’ke Suspil’stvo: Monitoryng Sotsial’nykh Zmin* [Ukrainian Society: Monitoring of Social Changes]. Kyiv, Inst. of Sociol. of the NASU, 2014, Vol. 1, Iss. 1 (15). Supplement: Tables of the monitoring pool “Ukrainian society – 2014” [in Ukrainian].
8. Bessonova O. *Obraz budushchego Rossii v kontekste teorii razdatochnoi ekonomiki* [The image of the future of Russia in the context of the theory of distributing economy]. Public Lectures “Polit.ru”, December 5, 2008, available at: <http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html> [in Russian].

-
9. Libman A. Different paths of the second transition in the post-Soviet world: a political-economic analysis. MPRA Paper, 2008, No. 11781, available at: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/11781>.
10. Acemoglu D., Robinson J. *Pochemu Odni Strany Bogatyje, a Drugie Bednye. Proiskhozhdenie Vlasti, Prosvetaniya i Nishchety* [Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow, AST, 2015 [in Russian].
11. Kapelyushnikov R. *Pravo sobstvennosti (oчерk sovremennoi teorii)* [Property right (essay of the modern theory)]. *Otech. Zapiski – Domest. Notes*, 2004, No. 6, available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-oчерk-sovremennoy-teorii> [in Russian].
12. Lartsev V. *Gniloi privkus obraztsovoi privatizatsii “Krivorozhstali”* [The rotten smack of the exemplary privatization of “Krivorozhstal”]. *Intern.-Izd. “Khvylya” – Intern.-Publ. “Wave”*, March 27, 2016, available at: <http://hvylya.net/analytics/economics/gniloy-privkus-obraztsovoy-privatizatsii-krivorozhstali.html> [in Russian].
13. Danylenko A.I., Zymovets’ B.B. et al. *Vplyv Kryzy na Finansy Real’nogo Sektora Ekonomiky Ukrainy ta Shlyakhy Ikh Ozdorovlennya, za red. A.I. Danylenka* [Influence of the Crisis on Finances of the Real Sector of Ukraine’s Economy and Ways to Their Sanitation], edited by A.I. Danylenko. Kyiv, Inst. for Econ. and Forecast. of the NASU, 2014 [in Ukrainian].
14. *Ekonomicheskie Sub’ekty v Postsovetskoj Rossii (Institutsional’nyi Analiz). Firmy Sovremennoi Rossii, Ch. 2, pod red. R.M. Nureeva* [Economic Subjects in Post-Soviet Russia (Institutional Analysis). Firms of Modern Russia], edited by R.M. Nureev. Moscow, Moscow Social Sci. Fund, 2003, Part 2 [in Russian].
15. Sonin K. *Institutsional’naya teoriya beskonechnogo peredela* [The institutional theory of an infinite redistribution]. *Vopr. Ekon. – Quest. of Econ.*, 2005, No. 7, pp. 1–15 [in Russian].
16. Stiglitz J. *Globalizatsiya: Trevozhnye Tendentsii* [Globalization and Its Discontents]. Moscow, National Social-Sci. Fund, 2003 [in Russian].
17. Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A. The Injustice of Inequality. *J. of Monetary Econ.*, 2003, Vol. 50, No. 1, pp. 199–222.
18. Kapelyushnikov R. *Sobstvennost’ bez legitimnosti?* [Property without legitimacy?]. Preprint WP3/2008/03. Moscow, High Economic School, 2008 [in Russian].
19. Reznik V. *Stan sotsial’noi legitymnosti pryvatnoi vlasnosti na zemlyu ta kapital, v: Ukrainy’ske suspil’stvo 1992–2006. Sotsiologichniy Monitoryng, za red. V. Vorony, M. Shul’gy* [The state of social legitimacy of the private property on land and capital, in: Ukrainian Society in 1992–2006. Sociological Monitoring], edited by V. Vorona, M. Shul’ga. Kyiv, Inst. of Sociol. of the NASU, 2006, pp. 118–128 [in Ukrainian].
20. Auzan A. *Vertikal’nyi kontrakt neustoichiv* [The vertical contract is unstable]. *Otech. Zapiski – Domest. Notes*, 2004, No. 6, available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/vertikalnyy-kontrakt-neustoychiv> [in Russian].
21. Barsukova S. *Tenevaya ekonomika i tenevaya politika: mekhanizm srashchivaniya* [Shadow economy and shadow politics: mechanism of union]. Preprint WP4/2006/01. Moscow, High Economic School, 2006 [in Russian].
22. Stiglitz J.E. Capital market liberalization, economic growth, and instability. *World Development*, 2000, Vol. 28, No. 6, pp. 1075–1086.
23. Bodnarchuk S. *Sproshchennya derzhreestratsii: borot’ba z reiderstvom chy dopomoga v nezakonnykh zakhoplennyakh biznesu?* [Simplification of the state registration: struggle against the raidership or the help in illegal captures of business?]. *Zakon i Biznes – Law and Business*, 2016, No. 32 (1278), available at: http://zib.com.ua/ua/125033-sproshchennya_derzhreestratsii_borotba_z_reyderstvom_chi_dopom.htm [in Ukrainian].

24. Varnalii Z.S. et al. *Tin’ova Ekonomika: Sutnist’, Osoblyvosti ta Shlyakhy Legalizatsii, za red. Z.S. Varnaliya* [Shadow Economy: Essence, Peculiarities, and Ways to Legalization], edited by Z.S. Varnalii. Kyiv, NISS, 2006 [in Ukrainian].
25. Sibirtsev A. *Lyudi вне gosudarstva* [Persons outside of the state]. *Inform-Portal “Strana” – Inform-Portal “Country”*, March 23, 2016, available at: <http://strana.ua/articles/istorii/4117-lyudi-vne-gosudarstva.html> [in Russian].
26. Perkins J. *Ispoved’ Ekonomicheskogo Ubiitsy* [Confessions of an Economic Hitman]. Moscow, Pretext, 2005 [in Russian].
27. Werner K., Weiss H. *Chernaya Kniga Korporatsii* [The Black Book of Corporations]. Ekaterinburg, Ultra. Kul’tura, 2007 [in Russian].
28. Radygin A., Entov R. “Fundamental’naya” teorema privatizatsii: ideologiya, evolyutsiya, praktika [The “fundamental” theorem of privatization: ideology, evolution, practice]. *Ekon. Polit. – Econ. Policy*, 2013, No. 6, pp. 7–45 [in Russian].
29. Sappington D., Stiglitz J. Privatization, information and incentives. *J. of Policy Anal. and Manag.*, 1987, Vol. 6, Iss. 4, pp. 567–585.
30. Polterovich V. *Privatizatsiya i Ratsional’naya Struktura Sobstvennosti* [Privatization and a Rational Structure of Property]. Moscow, Inst. of Economy of the RAS, 2012 [in Russian].
31. Popov V. *Privatizatsiya v teorii i na praktike* [Privatization in theory and practice]. *Expert. Portal “Otkr. Ekon.” – Expert Portal “Open Econ.”*, February 18, 2011, available at: <http://opec.ru/1345942.html> [in Russian].
32. Musacchio A., Lazzarini S. Leviathan in Business: Varieties of State Capitalism and their Implications for Economic Performance. Harvard Business School. Working Paper 12-108, June 4, 2012.
33. Avdasheva S., Dolgopyatova T., Pleines H. *Korporativnoe upravlenie v AO s gosudarstvennym uchastiem: rossiiskie problemy v kontekste mirovogo opyta* [Corporative management in a company with state’s participation: Russian problems in the context of the world experience]. Preprint WP1/2007/01. Moscow, High Economic School, 2007 [in Russian].
34. Franko I. *Shcho take sotsializm? V: Ivan Franko. Zibrannya Tvoriv* [What is the socialism? In: Ivan Franko. Collection of Works]. Kyiv, Naukova Dumka, 1986, Vol. 45, pp. 44–55 [in Ukrainian].

Статья поступила в редакцию 6 октября 2016 г.
